

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4, № 3. С. 64–78.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2021. Vol. 4, no. 3. P. 64–78.

Научная статья / Original article

УДК 821.161.1:821.112.2

doi:10.17323/2658-5413-2021-4-3-64-78

ЕВРОПА ЗНАКОМИТСЯ С ДОСТОЕВСКИМ: ИЗ ИСТОРИИ ПЕРЕВОДОВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ

Павел Евгеньевич Фокин

Музей-квартира Ф. М. Достоевского,
Государственный музей истории российской
литературы имени В. И. Даля,
pfokin@mail.ru

 Аннотация. Достоевский при жизни был мало знаком европейскому читателю, хотя первый перевод был осуществлен уже через несколько месяцев после его литературного дебюта в 1846 году. Позже, с разрывом в 10–15 лет, появилось еще несколько публикаций (на немецком и французском языках), но это были лишь отдельные фрагменты его романов. Настоящее открытие Достоевского произошло только после его кончины. Небывалые по масштабу похороны писателя обратили на него внимание европейских интеллектуалов. За 20 лет было осуществлено 146 переводов произведений Достоевского на 19 европейских языков. Кроме того, начали появляться статьи и монографии о нем, писатель стал важной фигурой в духовной жизни европейцев. К началу 1890-х

Статья написана на основе материалов из собрания А. Г. Достоевской, хранящихся в составе фондов Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля.

© Фокин П. Е., 2021

Достоевский был признан бесспорным классиком европейской литературы. В статье дается статистика и динамика переводов произведений Достоевского, приводятся материалы газетных публикаций 1880–1890-х годов, отражающих процесс знакомства Европы с литературным наследием Достоевского.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, перевод, европейская культура, «Новое время», К. Гамсун, Г. Гауптман

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Неизвестные и малоизвестные источники биографии Ф. М. Достоевского в собрании Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля», № 18-012-90018.

Ссылка для цитирования: Фокин П. Е. Европа знакомится с Достоевским: из истории переводов произведений русского писателя // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4, № 3. С. 64–78, <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2021-4-3-64-78>.

To the 200th Anniversary of F. M. Dostoevsky

EUROPE MEETS DOSTOEVSKY:
FROM THE HISTORY OF TRANSLATIONS OF RUSSIAN WRITER WORKS

Pavel E. Fokin

Fyodor Dostoevsky House-Museum,
Vladimir Dahl Russian State Literary Museum,
Moscow, Russia, pfokin@mail.ru

Abstract. Dostoevsky was little known to the European reader during his lifetime, although the first translation was made a few months after his literary debut in 1846. Later, with a gap of 10–15 years, several more publications appeared (in German and French), but these were only fragments of his novels. The real discovery of Dostoevsky occurred only after the writer's death. The unprecedented scale of Dostoevsky's funeral drew the attention of European intellectuals to him. For 20 years, 146 translations of Dostoevsky's works into 19 European languages were carried out. Articles and monographs on Dostoevsky began to appear, and he became an important figure in the spiritual life of Europeans. By the early 1890s,

Dostoevsky was recognized as the undisputed classic of European literature. The article provides statistics and dynamics of translations of Dostoevsky's works, cites materials from newspaper publications of the 1880–1890s, reflecting the process of Europe's acquaintance with Dostoevsky's literary heritage.

Keywords: F. M. Dostoevsky, translation, European culture, “Novoe vremya”, K. Hamsun, G. Hauptmann

Acknowledgments: The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, the project “Unknown and little-known sources of the biography of F. M. Dostoevsky in the collection of the Vladimir Dahl State Museum of the History of Russian Literature”, No. 18-012-90018.

For citation: Fokin, P.E., 2021. ‘Europe meets Dostoevsky: From the history of translations of Russian writer works’, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 4(3), pp. 64–78. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2021-4-3-64-78.

Первый перевод Достоевского на европейский язык появился спустя восемь месяцев после его блистательного литературного дебюта. В сентябре 1846 года на немецком языке был опубликован дневник Вареньки Добросёловой из романа «Бедные люди» в переводе Вильгельма Вольфзона. Правда, это еще не была в полном смысле слова европейская известность, так как публикация состоялась в петербургской немецкоязычной газете “Sankt-Petersburgische Zeitung”. Переводчик Вольфзон, несмотря на свой молодой возраст (он был почти ровесником Достоевского), к этому времени уже был известен как пропагандист русской литературы, интерес к которой был у него не случаен: Вольфзон родился в Одессе. В 1843 году в Лейпциге вышла его книга «Изящная словесность у русских». Он выступил горячим популяризатором творчества молодого Достоевского, опубликовав ряд статей. В том же 1846 году в Лейпциге в журнале “Jahrbucher fur slawische Literatur, Kunst und Wissenschaft” была опубликована статья Я. П. Иордана, посвященная «Бедным людям».

А потом наступил почти десятилетний перерыв. Следующий перевод — опять фрагмента из «Бедных людей» — был осуществлен только в 1855 году для вышедшего в Париже на французском языке сборника «Русский декамерон».

Прошло еще восемь лет. В 1863 году всё тот же Вольфзон перепечатал вновь свой перевод из «Бедных людей» и опубликовал в № 1 “Russische Revue” в Дрездене перевод отрывка из «Записок из Мертвого дома» вместе со статьей

о Достоевском и его новом сочинении.

В собрании А. Г. Достоевской, находящемся в составе фондов Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля, хранится фотография Вольфзона с дарственным автографом «*Θ. М. Достоевскому отъ В. М. Вольфзона*», который свидетельствует о личном знакомстве писателя и переводчика (или как минимум личных контактах).

Вероятнее всего, встреча Достоевского с Вольфзоном состоялась осенью 1863 года, когда писатель приезжал в Дрезден, где жил Вольфзон, и, возможно, получил небольшой гонорар за публикацию в «*Russische Revue*».

Полный перевод «Записок из Мертвого дома» на немецкий язык вышел в 1864 году в Лейпциге. Впрочем, продано было всего 150 экземпляров, остатки тиража были сданы в макулатуру. Вольфзон умер в 1865 году, и Достоевский лишился своего, судя по всему, горячего поклонника и пропагандиста.

Сходная драматическая судьба постигла и план перевода «Записок из Мертвого дома» на французский язык. Собиравшийся его осуществить известный литературный критик и переводчик А.-И. Делаво умер в 1862 году, не успев приступить к работе.

Следующий перевод появился в 1866 году. И опять это был только фрагмент. На этот раз из «Преступления и наказания». И снова в Петербурге, во франкоязычной газете «*Courier russe*».

Будет еще в 1877 году в «*Journal de St.-Petersbourg*» на французском языке опубликован рассказ «Кроткая». И этим история прижизненных переводов До-

Вильгельм Вольфзон. Фотограф R. Eich. Дрезден. Начало 1860-х. Из собрания А. Г. Достоевской. Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля

Wilhelm Wolfson. Photographer R. Eich. Dresden. Early 1860s. From the collection of A. G. Dostoevskaya. V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature

стоевского на европейские языки заканчивается. Иными словами, при жизни Достоевский европейскому читателю был фактически неизвестен.

Интерес к нему начался сразу после его смерти и, безусловно, был вызван тем беспрецедентным выражением любви и скорби, которое оказала Достоевскому русская общественность в день его похорон, когда многотысячная процессия растянулась по всему Невскому проспекту, начиная от дома писателя и до входа в Александро-Невскую лавру. Игнорировать это событие было невозможно.

И с 1881 года начинается активная работа переводчиков разных стран. До конца столетия, в течение 20 лет, было осуществлено 146 переводов произведений Достоевского на европейские языки. И это уже были не отдельные главы и фрагменты, а полноценные книги. Некоторые переводы издавались по несколько раз, как, например, немецкий перевод «Преступления и наказания», осуществленный Генкелем в 1882 году, который после этого издавался еще четырежды — в 1886, 1889, 1890 и 1894 годах.

В это двадцатилетие произведения Достоевского были переведены на 19 языков — английский, болгарский, венгерский, голландский, греческий, датский, испанский, итальянский, латышский, норвежский, немецкий, польский, сербский, финский, французский, хорватский, чешский, шведский и эстонский.

Лидерами оказались немцы — 44 перевода. Фактически весь Достоевский, кроме двух-трех небольших рассказов. Переведены были даже такие ранние вещи, как «Роман из девяти писем», «Елка и свадьба», «Ползунков», «Честный вор», «Господин Прохарчин», «Чужая жена и муж под кроватью». Некоторые произведения были переведены несколько раз — дважды «Бедные люди» (1887, 1890), «Белые ночи» (1886, 1888), «Хозяйка» (1886, 1890), «Честный вор» (1886, 1888), «Игрок» (1888, 1890), «Униженные и оскорбленные» (1885, 1900), трижды «Записки из Мертвого дома» (1886, 1889, 1890), «Преступление и наказание» (1882, 1891, 1897).

Следом за немцами идут французы — 31 перевод. Далее англичане — 10 и итальянцы — 8. Довольно активно переводился Достоевский на скандинавские языки: 10 переводов на датский, 9 — на норвежский, 6 — на шведский, 4 — на финский (в сумме — 29 переводов).

На венгерский язык переведено 6 произведений, на сербский — 5, столько же на хорватский.

Пропорционально переводам появляется на европейских языках и критика — аналитические статьи об отдельных произведениях, общие обзоры творчества Достоевского, биографические заметки о нем, циклы лекций и монографии. Так, в «Библиографическом указателе...», составленном А. Г. Достоевской, указано 49 публикаций на немецком языке [Библиографический ... ,

1906, с. 226–230], в том числе имевшая важное значение для понимания Достоевского книга Георга Брандеса, и 55 критических работ на французском [там же, с. 235–240]. Критика на других языках или вовсе отсутствует, или ограничивается единичными публикациями.

Лидерами перевода являются романы:

- «Преступление и наказание»: 20 переводов — на английский, венгерский, голландский, греческий, датский, итальянский, латышский, норвежский, немецкий (3 перевода), польский, сербский, французский, хорватский и шведский языки;

- «Униженные и оскорбленные» — 15 переводов;

- «Записки из Мертвого дома» — 13 переводов.

Из «великого пятикнижия» за эти 20 лет:

- «Идиот» был переведен на 5 языков: в 1887 году роман появился на английском, французском и датском, в 1889-м был издан по-немецки (второе издание в 1891 году), в 1900-м — на итальянском;

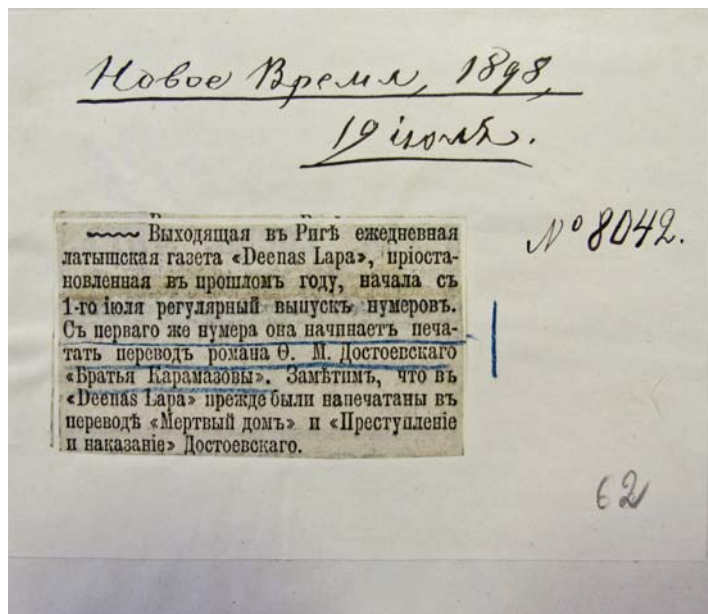
- «Бесы» переводились трижды: в 1896 году — на французский и датский, в 1888 году — на немецкий;

- «Подросток» также был переведен на три языка: в 1886 году — на немецкий и французский, в 1887 году — на шведский;

- «Братья Карамазовы» переведены четырежды: в 1884 году увидело свет немецкое издание, в 1888 году с романом смогли познакомиться французы, в 1890 году — норвежцы, в 1898 году роман печатается на латышском языке в рижской газете «Deenas Lara».

«Белые ночи» вышли на 9 языках, «Бедные люди» на восьми, «Кроткая» — на семи, «Игрок» на шести, «Записки из подполья» — на четырех.

Примечательно, что «Двойник» был переведен лишь однажды — в 1889 году, и, вполне ожидаемо, на немецкий.

Вырезка из газеты «Новое время» № 8042 от 19 июля 1898 года. Из собрания А. Г. Достоевской. Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля

Clipping from the newspaper “Novoye Vremya” No 8042. Jul. 19, 1898. From the collection of A. G. Dostoevskaya. V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature

Пик переводов произведений Достоевского приходится на вторую половину 1880-х годов. За 5 лет, с 1886 по 1890 год осуществлено 86 (из 146) переводов на 19 языков.

В 1890-е наступает некоторое затишье: за десятилетие — 38 переводов, по одному–два перевода в год. Зато в 1890-е Достоевский приходит на европейскую театральную сцену. В первую очередь, конечно, ставятся спектакли по «Преступлению и наказанию»: в Париже (1888), Берлине и Лейпциге (1890), Гамбурге (1896), Турине (1896).

Надо сказать, что интерес к Достоевскому был подогрет и модой на русскую культуру и литературу, которая в эти годы установилась в ведущих европейских странах и даже захватила читателей США.

В январе 1887 года на страницах «Нового времени» находим свидетельство И. Яковлева о растущей популярности русской литературы во Франции:

Наша литература пережила здесь эпоху споров и критики, и мало-помалу переходит в массы читающей публики. В провинции спрос на русских авторов постоянно увеличивается: буржуазия, куда книги проникают только тогда, когда их достоинства уже неоспоримы и общеизвестны, тоже набросилась теперь на них. Мало того, они проникли даже в казенные учебные заведения. Я посетил на днях известный институт для детей лиц, награждённых орденами Почетного Легиона в С.-Дени: оказалось, что тамошние классные дамы и учительницы (их более 30) врасос, что называется, зачитываются нашими авторами. Редкая из них, возвращаясь в выходные дни из Парижа, не привозит с собою новенькой книжки Толстого, Тургенева или Достоевского.

В 1891 году в той же газете некто Петербуржец, скорее всего всё тот же И. Яковлев, сообщал:

<...> Французы продолжают, где могут, проявлять свою дружбу к России и к русскому. Они даже виллы свои начали называть русскими именами: “Douchka”, “Liouba”, и “Milachka”. У светских барынь, во время приёмов, русские скатерти, русский самовар и тут же, на самом видном месте, “Crime et chatiment” Достоевского и “Guerre et la paix” Толстого¹.

Тот же Петербуржец в заметке, опубликованной 19 сентября (1 октября) 1892 года в № 5948, приводит курьезные выписки из меню парижского “Grand

¹ Новое время. 1891. 9 (21) января. № 5339.

Hôtel”, свидетельствующие о популярности русской культуры во Франции: “Potage Tchaikovsky” и “Salade Léon Tolstoi, Dostoevsky et Scobelev”. «Это уже не салат, а целый винегрет», — комментирует последнее блюдо Петербуржец.

В 1897 году князь Мещерский делился своими впечатлениями от пребывания в Берлине: «<...> редко, очень редко мне приходилось в России, в её образованных кружках, слышать такое осмысленное и прочувствованное отношение к писателям нашей литературы, как нашёл я здесь, за столом, между немцами. У нас, как будто позабыли и Достоевского, и Тургенева. Здесь я нашёл фанатичных поклонников Достоевского»².

Русские газеты внимательно следили за тем, как творчество Достоевского воспринимается на Западе. Следует специально отметить суворинское «Новое время», на страницах которого регулярно печатались материалы о новых переводах и изданиях. Иногда это были простые сообщения в библиографической хронике, иногда небольшие заметки с цитатами из критики, иногда даже реплики переводчиков.

Так, в заметке о выходе в свет первого немецкого перевода романа «Преступление и наказание» «Новое время» сообщало:

Журнал Захер Мазоха “Auf der Höhe” в мартовской книжке [за 1883 год. — П. Ф.] даёт такой отзыв об этом издании: «все, кто интересуются Россией и прочтут эту книгу, многому из неё научатся. Роман написан с тем истинным реализмом, который, не шокируя чувства деликатности читателя, производит потрясающее впечатление и без сомнения откроет доступ в Германию необыкновенному таланту, к сожалению, слишком рано умершего писателя»³.

8 мая 1884 года в № 2942 «Нового времени» в «Маленькой хронике» сообщается:

Вырезка из газеты «Новое время» № 5339 от 9 января 1891 года. Из собрания А. Г. Достоевской. Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля
Clipping from the newspaper “Novoye Vremya” No 5339. Jan. 9, 1891. From the collection of A. G. Dostoevskaya. V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature

² Новое время. 1897. 24 октября (5 ноября). № 7780.

³ Новое время. 1883. 26 февраля (10 марта). № 2514.

Известный немецкий критик г. Евгений Цабель поместил в последнем номере “Gegenwart” небольшой этюд о Ф. М. Достоевском. Рецензент руководствовался изданными недавно материалами для биографии нашего романиста и главным образом немецким переводом романа «Преступление и наказание». Немецкий критик не одобряет, разумеется, нелюбви Достоевского к немцам, находя, что его «панславистская предубежденность» помешала ему признать «чужие достоинства» и в то же время невыгодно отразилась на его художественных произведениях. Но зато г. Цабель признает за Достоевским первоклассный талант, а в романе «Преступление и наказание» видит такую жизненную силу и оригинальность, которые отличают в его авторе глубокого сердцеведа и обеспечивают за ним бессмертное имя «не в одной только русской литературе».

В 1890 Евгений Цабель сделает инсценировку романа «Преступление и наказание» под названием “Raskolnikow”, которую поставит в Берлине Лессинг-театр, о чем также будет писать «Новое время».

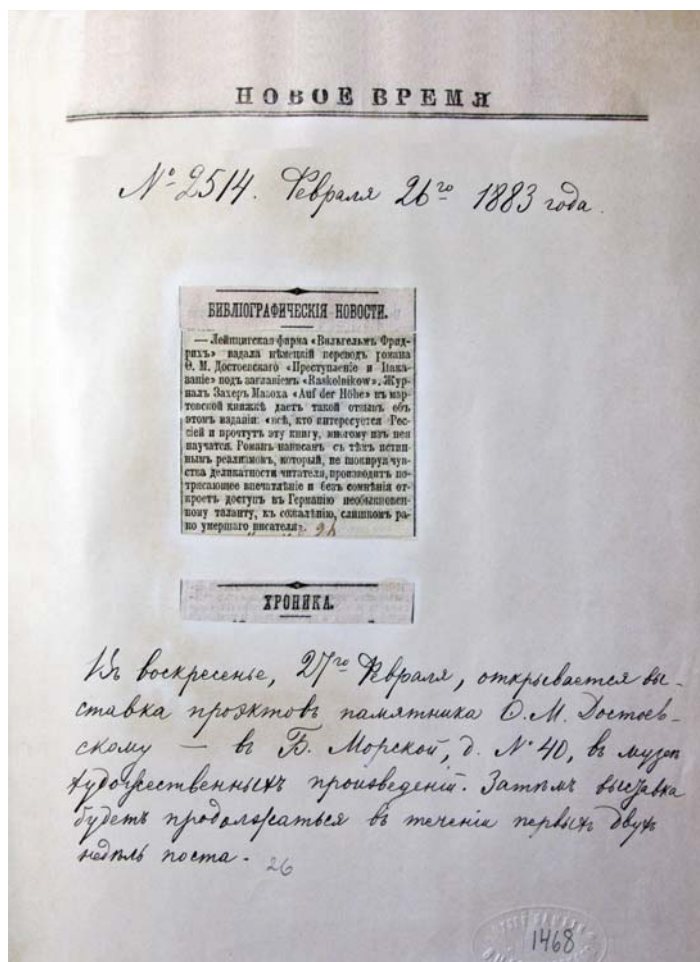
22 декабря 1884 года в № 3169 «Нового времени» в той же рубрике появляется следующее известие:

За немцами французы приносят свою дань уважения к таланту Ф. М. Достоевского. По поводу вышедших недавно в Париже переводов романов «Преступление и наказание» и «Униженные и оскорблённые», а также на основании биографического материала в письмах Ф. М., в “Revue politique et littéraire” напечатана характеристика нашего писателя под заглавием “Un grand Roman-cier”. Автор характеристики, даровитый литературный критик, пишущий под псевдонимом “Arvède Barine” [настоящее имя Луиза Сесилия Буффе, 1840–1908, французская писательница, переводчик и историк. — П. Ф.], замечает, между прочим: «Россия узнала свой собственный голос, и была растрогана до глубины души. Этот человек читал в душе нации; он говорил ей: “вот где боль у тебя, вот откуда твоя боль”. И это оказалось правдой. Эффект получился такой сильный, что можно было сказать, что Достоевский прочувствовал и растрогал Россию XIX века настолько же, насколько Руссо сделал это относительно Франции прошлого столетия». Достоевский, по словам французского автора, сам пережил столь же мрачную драму, какие видим в его романах. Он вышел обновленным и возрожденным из испытания, в котором пал бы всякий другой, заурядный человек, а из всего того, что видел он, узнал и прочувствовал в течение этих страшных лет, сложился его взгляд на русский народ.

Литературная деятельность Достоевского вкратце рассмотрена далее в связи с его жизнью и личными испытаниями. Относительно художественной

стороны произведений Достоевского автор говорит следующее: «Он слишком пренебрегал искусством композиции. Иногда он скучен. Эти недостатки, однако, пропадают в том блеске, который придают его творениям изумительное знание человеческого сердца, чувство сильного и живого драматизма, сильное воображение и мощь симпатии, напоминающая Элиота... Достоевский переживал, передумывал всякую муку человечества. В числе разных титулов славы это — самый прекрасный и самый чистый».

30 января (11 февраля) 1885 года «Новое время» (№ 3206) в рубрике «Маленький фельетон» публикует статью «Русские писатели в иностранной оценке», где приводится достаточно развернутое изложение статьи переводчика «Преступления и наказания» на немецкий язык В. Генкеля, написанной им в связи с выходом в свет немецкого издания романа «Братья Карамазовы». «Генкель не излагает хода действия романа, — сообщает «Новое время». — Критик довольствуется уверением, что русский писатель и в этом произведении, как во всех своих прежних, спускался до глубочайших недр страдания и бедности и что он мрачные сцены горя и преступности, наряду с интереснейшими душевными движениями, изобразил с обычным своим мастерством, тонко психологически и реально». Автор фельетона приводит обширные цитаты из статьи Генкеля, в частности касающуюся оценки мировоззрения Достоевского:

Вырезка из газеты «Новое время» № 2514 от 26 февраля 1883 года. Из собрания А. Г. Достоевской. Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля

Clipping from the newspaper "Novoye Vremya" No 2514. Feb. 26, 1883. From the collection of A. G. Dostoevskaya. V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature

<...> Он смотрел далеко в будущее, как идеалистический радикал, если можно так выразиться, видел там ярко горящую звезду и считал её за цель. Дороги туда он не хотел и не мог указать; это было не его дело: он был только носитель идеала... По своим воззрениям Достоевский — идеалист и в этом заключается его сила. Смотри на человека, как на духовно-нравственное существо, он заглядывал к нему глубоко в душу. Но так как его мировоззрение зачастую впадает в крайности, то и его идеализм нередко переходит в загадочный мистицизм. При этом, однако, в отношении обрисовки своих характеров он — решительный реалист.

8 (20) августа 1885 года «Новое время» в № 3392 в заметке «Сарсэ о романе “Преступление и наказание”» с удовлетворением знакомит читателей с восторженным откликом Франциска Сарсэ (Francisque Sarcey, 1827–1899), опубликованном в “Nouvelle Revue”: «Я не знаю другой книги, которая за последние двадцать лет меня так взволновала, как эта. Если первое достоинство литературного произведения заключается в том, чтобы завладеть воображением читателя, наполнить его ночи страшными кошмарами и истерзать сердце, то, без сомнения, этот роман — один из замечательнейших за последнее пятидесятилетие».

23 мая (4 июня) 1886 года в «Новом времени» (№ 3674) приводится мнение рецензента лондонской газеты “Palle Malle Gazette” о переводе «Преступления и наказания» на английский язык, который

...выражает желание, чтобы издательская фирма «Визителли и Комп.» не оскверняла чистого имени Достоевского включением его романов в серию печатаемых ею французских грязных романов. Между русским романистом и нечистым порождением псевдо-реалистов, кишащих во французской Сюаса тахита, лежит целая пропасть. Три русских романиста, приобретших европейскую славу, люди идеальных стремлений, обладающие удивительной душевной нежностью и очаровывающие читателя; они относятся к так называемым реалистам, как ангелы к сатирам.

В отчете «Чтение Брандеса. О русском романе» в № 3994 «Нового времени» от 14 (26) апреля 1887 года подробно излагается содержание лекции, прочитанной датским критиком Георгом Брандесом, в которой значительная часть посвящена творчеству Достоевского и его роману «Преступление и наказание».

Вообще, в эти годы в «Новом времени» проводится последовательная политика пропаганды наследия Достоевского, в рамках которой отклики из-за

рубежа занимают видное место. В газете чутко реагируют не только на публикации переводов, но и на различные формы проявления влияния Достоевского на европейские умы.

Так, в цитированном выше фельетоне И. Яковлева «Россия во Франции» главное внимание уделено недовольству французских писателей, в частности Золя, конкуренцией, которую составляет им Достоевский и вообще русские писатели. «Что касается Достоевского, то Золя его совершенно презирает. Это гениальный Ксавье де Монтепен, но ничего больше. Герои его не живые люди, а призраки, плод больного воображения». О литературной ревности Золя пишет Петербуржец в рецензии на его новый роман «Человек-зверь» (“La Bête humaine”), опубликованной 16 (28) марта 1890 года в № 5045 «Нового времени»: «<...> главный центральный герой романа Золя, Жак Лантье, представляется уже не живым, а придуманным человеком, — придуманным хотя бы в виде антитезы, контраста Раскольникову Достоевского, которому Золя никак не может простить его популярности у французских читателей».

В статье П. Матвеева «Проспер Мериме и его отношение к русской литературе», опубликованной в «Новом времени» 25 октября 1894 года (№ 6702) приводится цитата из письма Мериме к одной русской корреспондентке о его впечатлении от чтения «Преступления и наказания», в котором писатель отдает предпочтение Пушкину: «Скажу Вам откровенно, — пишет Мериме, — несмотря на большой талант, он [роман. — П. Ф.] мне не нравится, в нём какая-то напряжённость и экзальтация чувства, а это вредит ясности художественного содержания. Он вышел скорее из Виктора Гюго, чем из Пушкина. Можно ли и достойно ли русского писателя, имеющего такой высокий образец, следовать по стопам Гюго и вдохновляться им».

В 1894 году обозреватель «Нового времени» (№ 6620, от 4 (16) августа) с нескрываемым удовлетворением развенчивал литературный успех Гамсуна:

Роман [«Голод». — П. Ф.] не мог не произвести впечатления. Нашёлся, однако, немецкий рецензент, который дал себе труд сопоставить целый ряд выдержек из «Голода» с цитатами из сочинений Ф. М. Достоевского. Цитаты Гамсуна стояли слева, а Достоевского — справа. И замечательно; оказывалось поразительное сходство между ними, иной раз даже дословное. Роман «Голод» держался, что называется на волоске от плагиата. И автора не решились обвинить в этом, так как у него обнаружилось немало своей наблюдательности. Для окончательного приговора пришлось подождать следующего произведения Гамсуна.

Наконец, недавно появился новый его роман, под заглавием “Mysterien”. Его расхвалила немецкая критика. Но на поверку выходит, что здесь имеем

дело с ещё более удивительным родством с соч. Достоевского, чем то было в «Голоде». Тот же лихорадный стиль, тот же тон страдания, та же тема, та же обрисовка главного героя, сочувствующего «Слабым и несчастным» («Униженным и оскорблённым» Достоевского), что и у нашего писателя, не только, вообще, у Достоевского, но на этот раз вполне определённо — в романе «Идиот». Разница только в том, что произведение Достоевского держится на прочном фундаменте цельного мировоззрения и могучего морального пафоса, что, как сознают это и сами иностранцы, сделало его одним из самых популярнейших писателей в Европе, а роман Гамсуна представляется каким-то непонятным капризом, вполне оправдывающим загадочность заголовка “Mysterien”.

В 1895 году с чувством нескрываемого удовлетворения корреспондент «Нового времени» из Вены рассказывал:

Венские немцы за что-то очень полюбили нашего Достоевского. Каждый год бывают в разных здешних кружках и собраниях об этом нашем сердцеводе писателе публичные народные чтения. И на днях [сообщение опубликовано 20 ноября (2 декабря) в № 7087. — П. Ф.] читала здешняя писательница Минна Гоффман в отделении этического общества (Ethischer Verein) лекцию о Достоевском и выяснила значение Федора Михайловича для развития общечеловеческой нравственности. Особливо восторгалась она представителем будущего поколения Алешей Карамазовым. Зато можно было из лекции её убедиться, — не без ехидства завершает своё сообщение корреспондент, — что Раскольников и Митю Карамазова немцам не так скоро понять!

Интересно, что слово Достоевского проникает не только в среду интеллектуалов, увлекающихся вопросами литературы, этики и философии, но становится аргументом в политической борьбе. Любопытный факт приводит венский корреспондент «Нового времени» в публикации от 16 (28) февраля 1896 года (№ 7172), рассказывая о заседаниях австрийского парламента, обсуждающего выборную реформу, предложенную премьер-министром графом Бадени:

Депутаты сначала покричат, поспорят, а потом всё-таки примут новое детище ума «польского Бисмарка». Да и кричат-то депутаты вовсе не о том, о чём бы следовало, а задаются, например, вопросами, имел бы ли Христос право голосования, если бы жил в эту пору в Австрии. Д-р Люгер, глава христианских социалистов, начитавшись, по-видимому, Достоевского «Легенды о Великом

Инквизиторе», которая как раз теперь прекрасно переведена одним здешним социалистом и в приложении к “Arbeiter Zeitung” («Рабочей газеты»), разбросана как агитационная брошюра среди венских рабочих, выпалил в первом заседании всё её содержание в пику клерикалам «обожателям золотого тельца» и доказал им, что если бы теперь явился Христос, то клерикалы первые же Его распяли бы.

14 (26) ноября 1899 года «Новое время» в № 8519 публикует интервью корреспондента газеты «Приазовский край» с Г. Гауптманом. На вопрос «Что вы читали Достоевского?» Гауптман отвечает:

Прежде всего роман «Преступление и наказание». Я следил самым внимательным образом за психологическим процессом героя, за малейшими движениями его души. Какое знание человеческого сердца у этого вашего великого мастера! Какой могучий талант! Так раскрыть и обнаружить душу человека, так проследить до мельчайших подробностей душевную борьбу, так анатомировать человеческое сердце и ум — на это способен только гений. — Я не пошёл смотреть драмы «Раскольников», хотя имел удобный случай ознакомиться с ней. Я сказал себе, что вся эта тонко сплетенная художественная нить душевных волнений не может быть передана на сцене так, как её передал Достоевский в романе, тем более, что драма составлена не им, даже не русским автором, которому лучше понятен склад русской души и сам Раскольников, а каким-то немцем. Где же такому лицу передать образ и душу Раскольникова?! Этим я, конечно, не отрицаю, что, при условии удачной переделки, какой-либо выдающийся артист не мог бы передать превосходно всех чувств и движений души Раскольникова, его характера и образа.

Завершая, хочется заметить, что Европа в первые 20 лет своего открытия Достоевского, переводя, читая, восхищаясь им, практически не замечала его публицистики и, похоже, совсем не спешила заглянуть в «Зимние заметки о летних впечатлениях».

Список источников

Библиографический указатель сочинений и произведений, относящихся к жизни и деятельности Ф. М. Достоевского, собранных в «Музее памяти Ф. М. Достоевского» в Московском историческом музее имени императора Александра III. 1846–1903 / сост. А. Достоевская. СПб.: Тип. П. Ф. Пантелеева, 1906. II, 392 с.

References

Dostoevskaya, A.G. (ed.) (1906) *Bibliograficheskiy ukazatel' sochineniy i proizvedeniy iskusstva, odnosyashchikhsya k zhizni i deyatel'nosti F.M. Dostoevskogo, sobranykh v "Muzee pamyati F.M. Dostoevskogo" v Moskovskom Istoricheskom muzee imeni imperatora Aleksandra III. 1846–1903* [*Bibliographic Index of Works, related to the Life and Work of F.M. Dostoevsky, collected in the "Museum in Memory of F.M. Dostoevsky" at the Moscow Historical Museum Named after Emperor Alexander III. 1846–1903*]. St. Petersburg: Tipografiya P.F. Panteleeva.

Информация об авторе: П. Е. Фокин — кандидат филологических наук, заведующий отделом Музея-квартиры Ф. М. Достоевского Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля. Адрес: Российская Федерация, 121069, Москва, Трубниковский пер, д. 17, стр. 1.

Information about the author: P. E. Fokin — PhD, Head of Fyodor Dostoevsky House-Museum, Vladimir Dahl Russian State Literary Museum. Address: 1, 17 Trubnikovsky lane, Moscow, 121069, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.07.2021;
одобрена после рецензирования 12.08.2021;
принята к публикации 15.08.2021.

The article was submitted 03.07.2021;
approved after reviewing 12.08.2021;
accepted for publication 15.08.2021.